

ББК 83.3(2)
УДК 82.94

А. В. Петров¹,
*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова*
alexpetrov72@mail.ru

Н. В. Ярина²,
МОУ «СОШ № 61» г. Магнитогорска
alexpetrov72@mail.ru

**«У МЕНЯ ТЕПЕРЬ ТОЧНО ГЛАЗА ОТКРЫЛИСЬ...»,
ИЛИ «ОСТРАННЕНИЕ» ОПЫТА ЧУЖОЙ ЛЮБВИ
(Е. ДЬЯКОНОВА RESP. В. ШКЛОВСКИЙ RESP. В. БУТУСОВ)**

В статье описывается опыт «остраннения» (термин В. Б. Шкловского) любви провинциальной гимназистской 1880-х гг. Елизаветой Дьяконовой. В своем дневнике она рассказывает об открытии ею запретных тем и любви как феномена. В результате ряда «инсайтов», влияния ханжеской морали и отсутствия сексуального воспитания любовь открывается перед нею в чужом опыте как низкое и греховное чувство. Авторы статьи предполагают, что формирование женской психосексуальности в большей степени, нежели мужской, испытывает влияние «чужого слова» и «готовых форм».

Ключевые слова: Е. А. Дьяконова, В. Б. Шкловский, В. Бутусов, женский дневник XIX века, остраннение, инсайт, гендер, психосексуальность

Она читала мир как роман,
А он оказался повестью.
<...>
Любовь – это только лицо на стене,
Любовь – это взгляд с экрана.
В. Бутусов. Взгляд с экрана

¹ Петров Алексей Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск

² Ярина Наталия Викторовна, преподаватель-исследователь, директор, МОУ «СОШ № 61», г. Магнитогорск

В русской классической литературе XIX в., богатой на разного рода поиски метафизических глубин в человеческой природе и мироздании, иногда обнаруживаются удивительные лакуны. И касаются они зачастую простых, насущных для обыкновенного человека вопросов. Одним из таких вопросов является психосексуальное становление девушки-подростка. Недостаточное внимание к нему классиков объяснимо, по нашему мнению, гендерной диспропорцией – засильем мужчин в рядах писателей и литературных критиков того времени. Второе, вытекающее из первого объяснение – двойная табуированность названной темы в патриархатном российском обществе XIX в., в котором правила мужчины и христианская мораль. Первым дела нет до девических проблем; вторая всё, что связано с телесностью, считает нечистым, идущим прямо от дьявола, которому только и нужно, что уловить в свои сети грешную мужскую плоть, а вместе с ней и душу или Фрола Скобеева, или Хомя Брута, или Степана Касатского и иже с ними.

Следует всё же отдать должное тем писателям-мужчинам, которые в истории русской литературы первыми стали описывать девичье томление и первую любовь, оставив тему мужского полового созревания на потом. Имеем в виду, например, Н. М. Карамзина с его повестями о «бедной» Лизе и «боярской дочери» Наталье. Из русских классиков наибольший интерес к страхам и тайным желаниям отроковиц проявили, пожалуй, А. С. Пушкин и Л. Н. Толстой – два автора, которые чаще всего упоминаются на страницах дневника *Елизаветы Александровны Дьяконовой* (1874–1902) – провинциальной барышни, происходившей из купеческой семьи Ярославской губернии.

Вместе с более известной старшей своей современницей Марией Константиновной Башкирцевой (1858–1884) Дьяконова оставила выразительные, детальные и, полагаем, правдивые описания девичьего взросления, включающего в себя, в частности, осознание и осмысление того феномена, что зовется любовью между женщиной и женщиной. Каким бы гением ни обладали Пушкин и Толстой, но Татьяна Ларина и Наташа Ростова не могут говорить «от себя», за них говорят мужчины – их создатели, и следовательно, только женские эго-документы способны запечатлеть «жизнь женщины» такой, какая она есть, «без всякой рисовки» [3, I, 24] и почти без вымысла. При этом если Башкирцева писала свой дневник «с страстным желанием», чтобы он был прочитан [3, I, 25], то о дневнике Дьяконовой, как минимум «ярославского периода», этого сказать нельзя, и, значит, степень «рисовки» и вымысла в нём минимальна.

Именно этим – наивностью и искренностью признаний девочки (Дьяконова стала вести дневник в 11 лет втайне от всех) – и ценен её «человеческий документ». И уже в самых первых записях обнаруживается та тема, которая будет волновать ее всю жизнь. 31 мая 1886 г. Лиза закончила первый и поступила во второй класс Нерехтской Мариинской женской прогимназии. Она описывает, как прощается с подругами, как они обнимаются, целуются и рыдают. «Милые подруги, *все мы друг друга любим*¹, но, может быть, никогда не увидимся» [4, 5], – записывает даиэристка². В сентябре того же года Лиза делится со своим «милым дневником» первым «взрослым» секретом, но секрет этот – чужой: «Познакомилась с одной воспитанницей, 6-го класса Маней Л. У нее есть большой секрет, который знала только Маня Б., а сегодня и я узнала, что *она любит Маню Д.* <...>» [4, 6].

Понятно, что любовь девочек-подростков друг к другу – это любовь особая; для ее обозначения более всего подходит слово *филия*, которым древнегреческие мыслители обозначали «любовь-дружбу»³ [см.: 2; 16, 35–44]. А вот любовь чувственная, или *эрос*, явит себя Дьяконовой через два года.

Чужое счастье – «...так странно кажется»

Впервые любовь мужчины и женщины даиэристка увидит «со стороны» – в отношениях её гувернантки Александры Николаевны (ей 21 год) с женихом. Запись в дневнике от 12 ноября 1888 г. [4, 18] целиком посвящена открытию этого феномена («Ал. Ник. – лучший человек в мире – *выходит замуж*») и рефлексии над ним.

Дьяконова упрекает себя в ненаблюдательности: мы узнаём о полном отсутствии у нее интереса к противоположному полу: «И какая я дура: ведь когда мы были на именинах, то жених сидел почти напротив меня, но, видно, *у меня такая способность – я не вижу никогда никого из мужчин*, если бываю где-нибудь у знакомых»). Эта «способность», своего рода «слепота» как результат неразвитой чувственности, примечательна, ибо младшая сестра даиэристки, Надя, не преминула отметить, что жених «очень красив».

¹ Курсив во всех цитатах здесь и далее наш. – А. П., Н. Я.

² Для обозначения человека/автора, ведущего/пишущего дневник, в русском языке не находится специального слова. Такое слово есть в английском – *diarist*. В отличие от «мемуариста», русским языком оно не освоено. Мы используем «женский» его вариант – *даиэристка*, за неимением русского аналога.

³ В русской классической литературе такая, подростковая любовь гимназисток контурно очерчена, например, в «Легком дыхании» И. А. Буннина.

Лиза учится в 6-м классе гимназии, ей 14 лет; когда в июле она познакомилась с братом гувернантки, студентом Сергеем Николаевичем, он ей «очень понравился». Чем? – спросим мы. Оказывается, он «человек умный и оригинальный», и эти же качества Дьяконова выделяет в Александре Николаевне (запись от 14 июля 1888 г.). А еще она по-детски боится его студенческого мундира. Как видим, гендерный тезаурус даиэристки в 1888 г. включает в себя понятия «ум» и «оригинальность», но «красота», «мужественность» и «женственность» в нём отсутствуют.

Вернемся к записи от 12 ноября. На вопрос о женихе «каков он?» Александра Николаевна ответила как-то «странно»: «Он молодой, очень красивый, сходится со мной во всем». К чему относится эта ремарка – «странно»? Полагаем, что к сочетанию несочетаемых и неясных пока еще для 14-летней девушки понятий: молодости и красоты, с одной стороны, духовной и идейной близости мужчины и женщины – с другой. «Странной» Лизе могла показаться и интонация гувернантки: ведь та не может рассказать своей ученице об эросе. Простосердечен, но логичен вывод даиэристки о женихе: «Значит, и он – замечательно хороший человек», и далее мы видим всё ту же полудетскую наивность, когда *филия* и кажется *эросом*: «Похожи они друг на друга очень, как *брат с сестрой*. Я от всей души желаю счастья Ал. Ник. в ее новой жизни».

Эта «новая жизнь» видится Лизе очень расплывчатой и, опять же самое слово (!), «странной»: «Милая моя Александра Николаевна! Сегодня вечером мы даже не читали, а сидели работали и разговаривали – *точно прощались* с нашей Ал. Ник. Она ведь после обручения будет *почти жена*, а это так *странно кажется*» [4, 18]. Обретение гувернанткой нового социально-правового статуса бессознательно воспринимается Дьяконовой сквозь призму свадебного ритуала, как некая символическая смерть («точно прощались») [см.: 9; 10], а за словом «жена» для неё вообще ничего не стоит. Пока, и очень надолго, это просто *слово*.

«Все это так ново, так странно для меня»:

Дьяконова и Шкловский

На следующий день происходит новое открытие: жизнь соотносится с «романом» – книжным знанием. По дороге в гимназию Лиза увидела «парочку» – «веселую, молодую, счастливую». Она наблюдает за ними *с другой стороны* тротуара, «не смея взглянуть» на них, и испытывает... чувство счастья: «Так вот она, любовь-то, счастье-то! Я никогда еще не видала любви, такой, как в романе, а теперь вижу. Все это так ново, так странно для меня. <...>» [4, 18].

Вольно или невольно, даиэристка «цитирует» здесь другую провинциалку, которая о любви тоже ничего не знала. «Любовь! Я не понимаю любовь... я никогда и не знала, что за любовь...», – говорит Хлестакову Марья Антоновна. Но если гоголевского «Ревизора» Дьяконова, несомненно, читала, то статью В. Б. Шкловского «Искусство как прием» (1919), разумеется, нет. И однако для даиэристки, буквально по Шкловскому, происходит «вывод вещи» – любви – «из автоматизма восприятия» [14, 106]. Напомним, что один из основоположников русского формализма размышлял в своей статье о цели искусства и увидел её в том, «чтобы вернуть ощущение жизни», «дать ощущение вещи, как *видение*, а не как узнавание». Сутью же искусства В. Б. Шкловский объявил приём «остраннения» «вещи», когда та описывается как в первый раз увиденная [14, 105]. Позднее исследователь уточнял, что остраннение – это «удивление миру», а его содержание – «задержанное внимательное *рассматривание* мира» [15, II, 188].

Для Дьяконовой «странным» является неизвестное в окружающей ее жизни, а неизвестны ей – ощущение *счастья* и феномен *любви*. И она их именно *рассматривает* (см. цитаты выше), объединяя в едином образе-представлении «хорошей штуки» – любви: «Когда Ал. Ник. сказала нам, что *на душе у нее радостно и хорошо*, то я *подумала*: а хорошая, должно быть, *штука*¹ эта любовь! Ведь тогда все кажется хорошим, а это должно быть очень весело» [4, 19].

Показательно также, как Дьяконова «опознала» Александру Николаевну на улице (сначала она подумала, что, возможно, это какая-то «другая барышня идет под руку со студентом»). «Уликой» оказалось «знакомое произношение буквы “л”»: «Это так неловко²». «Сомнения нет – она!» – звук «л» (т. е. художественная деталь, «задержанное внимательное рассматривание», а в данном случае – «расслушивание» мира) становится «пропуском» в новое знание, знаком еще неизвестного и неизведанного – любви и счастья.

Здесь следует напомнить, что свои размышления об «остраннении» В. Б. Шкловский основывал на материале 1) произведений Л. Н. Толстого, писателя первостепенной значимости для Дьяконовой, и 2) эротического искусства, где «обычно представление эротического объекта, как *что-то в первый раз виденное*» [14, 110]. Дьяконова же буквально в первый раз *видит влюблённых*, т. е. Любовь как «вещь». И что особенно интересно:

¹ Ср. с «вещью» у Шкловского.

² Кстати, а что могло быть для Александры Николаевны «неловким»? По-видимому, совместное гуляние под руку с мужчиной.

первоначально искусственным, т. е. приёмом (по Шкловскому), казалась Дьяконовой *жизнь*, а естественным – *искусство* (литература): «Читаем в романе: так просто, *естественно кажется*, а на деле не то. Когда я читала про любовь, я не понимала: как это любят, признаются в любви, делают предложения. Но мне все *казалось естественным: ведь роман*. А как *на самом деле увидела*, то начала *понимать*, как все делается, хотя еще и не совсем» [4, 19].

Происходит постепенная смена мест «слагаемых», но при этом начинает меняться «сумма» – восприятие реальной жизни/любви, которая оказывается непохожа на *образ* жизни/любви, известный даиэристке по книгам (романам и пьесам о любви, любовной лирике). А затем даиэристка начинает фантазировать, т. е. «остраннять» самое себя в незнакомой ей роли: «*Представляю себя на её месте*, только *без жениха*, конечно, и *не невестой*, а так просто: ну, и я *люблю*, *не знаю кого*, ну, положим, горничную Сашу или какую-нибудь из воспитанниц... И тогда мне все начинает казаться в розовом свете! Уж не полюбить ли мне в самом деле кого-нибудь из наших? Воспитанницы есть очень хорошенькие, поют хорошо, стройненькие, ведь полюбить можно. И вдруг тогда я буду *счастлива*... Только способности-то и умения у меня на это нет, а то бы я постаралась» [4, 19].

Опыта не только чувственной, но и платонической любви у Дьяконовой нет; соответствующий книжный опыт она перенести на себя не умеет; жених и невеста кажутся ей «вещами» трудно представимыми: *эрос* не может освободиться от автоматизма восприятия любви 14-летней гимназисткой исключительно как *филии*. Правда, чувственность дает о себе знать в оценках внешности девочек: «очень хорошенькие», «стройненькие». Пока еще желание даиэристки обращено на представительниц своего пола, чему сопутствует «слепота» по отношению к мужской красоте, маскулинности, т. е. психосексуальная незрелость. Как на одну из социокультурных причин этого можно указать на раздельное обучение мальчиков и девочек в дореволюционной России. Именно так, кстати, думали педагоги рубежа XIX–XX вв. [13, 13].

Обратим внимание на конечный вывод-наблюдение Дьяконовой: у нее, как она считает, нет «способности» и «умения» любить. Вырвавшееся, быть может, случайно, это замечание очень важно. Мы можем интерпретировать его в двух планах: 1) даиэристка в процессе самоанализа не обнаруживает в себе этой способности, но готова к ее появлению и к последствиям («а то бы я постаралась»); 2) это *инсайт* – неосознанная ещё догадка о своей психосоматической проблеме. Психоналитики указывают, что результатом «озарения»

может стать пересмотр человеком образа своего поведения [7]. В любом случае становлению личности и сексуальности Дьяконовой был дан толчок, и её дневник, особенно «парижская» его часть [см.: 16, 79–118], подтвердит позднейшее суждение С. де Бовуар: «Женщиной не рождаются, ею становятся» [1, 310].

Но чем же завершился для Дьяконовой этот опыт «остраннения», опыт «рассматривания» чужой любви и чужого счастья? – Эмоциональным шоком и крушением идеала.

«Ал. Ник. отказала своему жениху!» – так начинается запись от 2 декабря 1888 г. О причинах разрыва Дьяконова ничего не пишет, да они её, по-видимому, и не интересуют. Она ищет слова, которые могли бы описать эту немислимую до того ситуацию: «<...> это я не знаю, что такое!..»; пытается оценить её: «<...> нехорошо всё-таки поступила Ал. Ник.». Для себя даиэристка делает моралистический и бескомпромиссный вывод: «Человек должен быть прежде всего человекен, а она поступила с женихом безжалостно». Прежде любимая Александра Николаевна, «лучший человек в мире», становится преступницей: «Чувствую, что не могу уже *смотреть* на нее как прежде, мне кажется, что впереди ее стоит отверженный ею жених»¹. Завершается запись размышлениями о превратности счастья: «А ещё три недели тому назад я видела их вдвоём такими счастливыми...» [4, 20].

«Не имеете ли каких грязных помыслов, встречаясь с мужчинами?»: крушение иллюзий при отсутствии опыта любви

Через несколько лет Дьяконовой предстоит пережить еще один шок от открытия нового «лика» любви, и этот очередной *инсайт* тоже совершится на основе *слов* другого человека, *остранняюще*. С окончанием гимназии в мае 1891 г. у Лизы совпало крушение былых иллюзий по поводу любви и брака, иллюзий, разумеется, книжных, головных, ибо собственного опыта любви и брака у нее не было. 23 мая одноклассница П-ская объяснила ей всё «непонятное», «и я впервые в жизни, – пишет даиэристка, – узнала столько гадости и мерзости, что сама ужаснулась» [4, 62]. А ведь Дьяконова уже прочитала Толстого, и не что-нибудь, но «Анну Каренину» и «Крейцерову сонату!» «<...> может быть, вследствие моего полного незнакомства с отношениями мужчин и женщин, незнания жизни

¹ Похоже на книжный, романтический мотив «отверженного жениха», например, в балладе В. А. Жуковского «Рыцарь Тогенбург». С этого момента на страницах дневника возникает образ отверженного женщиной мужчины (ср., например, рефлексии Дьяконовой о романе «Отцы и дети» в записи от 19 ноября 1894 г.). А в 1901 г. сама даиэристка скажет «нет» потенциальному жениху.

и каких-то страшных пороков и болезней, – записывает Лиза 22 апреля 1891 г., – на меня «Крейцера соната» не произвела чрезвычайно сильного впечатления, и, прочтя ее, я не усую себе мрачный взгляд на жизнь...» [4, 61]. Что же такого было в объяснениях П-ской, что всего лишь слова – «изнасиловать», «фиктивный брак», «проституция», «дом терпимости» – вызвали у 17-летней девушки ощущение омерзения и отвращения? Неужели П-ская знала о жизни и отношениях мужчин и женщин больше, нежели Толстой? Очевидно, что собственные внутренние табу не позволили даиэристке пересказать в дневнике разговор с «просвещенной» одноклассницей, но понятно, что крушение иллюзий проходит в рамках дихотомии «духовное vs. телесное», заданной христианством и поддержанной романтизмом: «<...> Это ужасно мерзко, отвратительно... Так вот в чём состоит любовь, так воспеваемая поэтами!¹ Ведь после того, что я узнала, любовь – самое низкое чувство, если так его понимают...» [4, 62].

Даже через три года, описывая свое поведение на исповеди (запись от 18 марта 1894 г.), 19-летняя уже Дьяконова продемонстрирует почти фантастическое неведение. На «суровый» вопрос о Владимира «Не имеете ли каких грязных *помыслов*, встречаясь с мужчинами?» она с недоумением ответит: «Какие же это помыслы?» – «Да, разные помыслы... не приходят ли они вам на ум?» – «Нет», – отвечала я, очень смутно соображая, что и мужчин-то не встречаю почти нигде, а у нас дома тем более...» [4, 94–95].

Но вернемся к «открытию» Дьяконовой, сделанному со слов П-ской 23 мая 1891 г. Разочарование даиэристки обращается на всё мироустройство, и чуть ли не словами Ф. М. Достоевского и его героев: «Неужели Бог так устроил мир, что иначе не может продолжаться род человеческий?...» – и при этом находит опору в местных, ярославских реалиях. К своему «величайшему изумлению» Дьяконова узнаёт о существовании в городе дома терпимости и «несчастных женщин» «с жёлтыми билетами».

Здесь следует сказать, что соответствующие властные структуры Российской империи, цензоры и научно-педагогические кадры не были пуританскими: начиная с царствования императора Александра II в печати стали появляться исследования по истории и социологии проституции, как оригинальные, так и переводные

¹ Любимые поэты Дьяконовой – А. А. Фет, Я. П. Полонский, А. Н. Майков – сплошь представители «чистого искусства» (см. запись от 22 ноября 1892 г.). Это важно для понимания истоков её романтического мировоззрения, в частности представлений о любви.

[см.: 6; 8; 11]. В 1900-е гг. их число увеличится в разы. Именно тогда возникнет термин «сексуальная педагогика», или половое воспитание детей [см.: 13]. Если бы Дьяконова и ее одноклассница П-ская прочитали не «Крейцерову сонату», а хотя бы какое-нибудь просветительское издание типа брошюры одного из пионеров сексуальной педагогики К. Сидоровича «Дети и половой вопрос: Сист. указания родителям, как охранить нравств. чистоту детей от развращающих влияний нашего времени, соврем. лит. и окружающей среды» [12], то «свет», возможно, озарил бы «разум»¹ этих «детей» и психосексуальных проблем и разочарований в «роде человеческом» и в отдельных его представителях у даизеристики, быть может, и не возникло бы. Но подобных изданий в 1880-е гг. нет или очень мало, а то, что есть, провинциальным гимназисткам явно неизвестно.

Эмоциональная реакция Дьяконовой, безусловно, одной из самых передовых российских провинциалок конца XIX в., на существование женщин с желтыми билетами была, по-видимому, типична для женщин из т. н. «приличного общества»: «О позор, стыд, унижение! Как их мне жаль! Лучше бы им не родиться никогда... Ведь это – ужас! <...>» [4, 62]. Словно в ответ на эти ханжеские, в общем, рассуждения девицы, которая и «мужчин-то не встречала нигде» и о «помыслах грязных» понятия не имела, прозвучат через восемь лет слова другой «бестужевки» – Н. К. Крупской в знаменитой её брошюре «Женщина-работница»² (1899): «А надо послушать только, как *презрительно* говорят сытые буржуа и их жены о развращенности фабричных женщин и девушек, с какой *лицемерной гадливостью произносят эти дамы, никогда не выдавшие нужды, слово “проститутка”*» [5, 89].

И все-таки нетипичной, мы думаем, была та проблематизация вопроса, на которую оказалась способна 17-летняя ярославская гимназистка: «<...> У меня теперь точно *глаза открылись*. Бог всё премудро устроил, но из этого люди сумели сделать величайший, безобразнейший из грехов. Он справедливо наказывает таких людей страшными болезнями, и болезней этих не надо лечить, это наказание.

Но где же нравственность? Где священники и церкви? Просто голова кружится³...» [4, 62].

¹ «Свет и разум» – замечательное название издательства, где в 1909 г. вышла книжка К. Сидоровича.

² Написана в с. Шушенском; идея книжки принадлежала В. И. Ленину.

³ Головокружение, судя по дневнику, – типичная психосоматическая реакция Дьяконовой на амбивалентные ситуации. И голове есть от чего закружиться: идею

В этом инсайте, произошедшем 23 мая 1891 г., Дьяконова открывает для себя вопросы, над которыми лишь недавно стали размышлять крупнейшие мужские умы на Западе и в России. Через те же восемь лет даиэристка уже будет хорошо знакома с марксистскими и социалистическими идеями, а еще через три года сможет заочно, в статье поспорить с Толстым о «половом вопросе» – на равных, «по гамбургскому счету» [см.: 16, 27–34].

Post scriptum:

«Любовь – это взгляд с экрана...»

...Мы начали статью с цитаты из известной рок-песни 1980-х гг. Ее автор, В. Бутусов, создавая образ наивной девушки, живущей иллюзорными идеалами, почерпнутыми из книг, кино и плакатов, фактически рисует современного «двойника» нашей героини – гимназистки 1880-х гг. Лизы Дьяконовой. При этом старинный топос «мир как книга», предполагавший наличие творца, творения/знания и интерпретации этого последнего, выражает в песне «Взгляд с экрана» смыслы, появившиеся в европейской культуре (чтения) не позднее XVIII в. Один из этих смыслов – в созидании человеком собственной жизни по моделям, «готовым формам», предлагаемым литературой: «Она читала мир как роман». Казалось бы, литературоцентризм к концу XX в. был преодолен, однако другое, победившее искусство этого столетия – кинематограф – сделало явью то, о чём нельзя было и подумать сто лет назад. Если 14-летняя Дьяконова строила свое «я», в том числе свою сексуальность, хотя бы глядя на *реальность чужих чувств* и «остранняя» ее, то для современных девочек-подростков «взгляд с экрана» зачастую заменяет и подменяет самоё реальность, самоё любовь, в которой они, как и их сверстница из 1880-х гг., видят только «грязь».

В той же песне обнаруживаем еще один важный источник формирования женского «я», взятого теперь уже в единстве его телесной и духовной составляющих. Проводником нереализованных фантазий, порожденных то ли искусством, то ли жизнью, является тело женщины:

И фантазии входят в лоно ее
Сильней, чем все те, кто узнают ее...

о «безобразнейшем из грехов» навязывает неокрепшему сознанию российских подростков церковь и она же ничего не делает для того, чтобы женщины не шли «по желтому билету».

Причем этот «сценарий» в полной мере осуществится в «петербургской» и особенно в «парижской» частях дневника Дьяконовой. Там, в Париже, в ее жизни появится и свой «Ален Делон», тот самый, который «говорит по-французски»...

Литература

1. Бовуар, Симона де. Второй пол. Т. 1 и 2 / Симона де Бовуар; пер. с фр.; общ. ред. и вступ. ст. С. Айвазовой. – М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. – 832 с.
2. Демидов, А. Б. Феномены человеческого бытия [Электронный ресурс] / А. Б. Демидов. – Минск: ЗАО Издательский центр «Экономпресс», 1999. – 180 с. – Режим доступа: <http://ligis.ru/psylib/090417/books/demid01/index.htm>
3. Дневник Марии Башкирцевой: в 2 кн. / Мария Башкирцева. – Б. м.: б. и., б. г.
4. Дьяконова, Е. Дневник русской женщины / Е. Дьяконова. – М.: Захаров, 2004. – 480 с.
5. Крупская, Н. К. Педагогические сочинения: в 10 т. / Н. К. Крупская; под ред. Н. К. Гончарова [и др.]. – Т. 1 – М.: Изд-во Акад. пед. наук, 1957. – 510 с.
6. Кузнецов, М. Г. Проституция и сифилис в России: Историко-стат. исследования / М. Г. Кузнецов. – СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1871. – 268, 76 с.
7. Лейбин, В. Словарь-справочник по психоанализу [Электронный ресурс] / В. Лейбин. – М.: АСТ, 2010. – Режим доступа: <http://www.e-reading.club/book.php?book=144744>
8. Мюллер, Ф. В. Проституция: Социал.-мед. этюд / Ф. В. Мюллер; пер. с нем. – Пб.: Г. Немиров, 1869. – 56 с.
9. Петров, А. В. Брачно-свадебная поэзия в русской литературной культуре XVIII – начала XIX веков: Монография / А. В. Петров. – Магнитогорск: МаГУ, 2014. – 238 с.
10. Петров, А. В., Скворцова, М. Л. Петербургская свадебно-праздничная культура 1720-х гг. глазами немца (на материале «Дневника камер-юнкера Ф. В. Берхгольца») / А. В. Петров, М. Л. Скворцова // Libri Magistri. – 2017. – Вып. 4. Филология в XXI веке. – С. 92–111.
11. Проституция и ее жертвы: Сб. пер. ст. гг. Рабуто, Дюма-сына и Лекура и ориг. ст. по вопросу о приютах св. Марии Магдалины. – М.: Печ. С. П. Яковлева, 1873. – 219 с.
12. Сидорович, К. В. Дети и половой вопрос: Сист. указания родителям, как охранить нравств. чистоту детей от развращающих

А. В. Петров, Н. В. Ярина

влияний нашего времени, соврем. лит. и окружающей среды / К. Сидорович. – СПб.: Свет и разум, 1909. – 227 с.

13. Турутина, Е. С. Социокультурный и образовательный контекст возникновения вопроса полового воспитания детей в дискурсе русской педагогики / Е. С. Турутина // Вестник ТГПУ. – 2010. – Вып. 10 (100). – С. 10–14.

14. Шкловский, В. Искусство как прием / В. Шкловский // Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. – Пг.: 18-я Гос. типография, 1919. – [Вып. I–II]. – С. 101–114.

15. Шкловский, В. Б. Избранное: в 2 т. / Виктор Шкловский. – М.: Худож. лит., 1983.

16. Ярина Н. В. «“Дневник” Елизаветы Дьяконовой: жанровое своеобразие»: дисс. на соискание квалификации «Исследователь, Преподаватель-исследователь»: Рукопись / Н. В. Ярина. – Магнитогорск, 2018. – 151 с.

"U MENYA TEPER' TOCHNO GLAZA OTKRYLIS'...",
OR "OSTRANENIE" OF EXPERIENCE OF OTHERS LOVE
(E. DYAKONOVA RESP. V. SHKLOVSKY RESP. V. BUTUSOV)

A. V. Petrov, N. V. Yarina

Abstract

In the article the experience of "defamiliarization" ("ostrannenie" – V. B. Shklovsky's term) of love by provincial high-school girl Elizaveta Dyakonova is described. In the diary she talks about her discovery of taboo subjects and love as a phenomenon. As a result of a number of "insights", the influence of sanctimonious morality and lack of sexual education, love reveals experience of other people as an ignoble and sinful feeling. The authors of the article assume that the formation of female psychosexuality to a greater extent, than male's, is influenced by "someone else's word" and "ready-made forms".

Keywords: E. A. Dyakonova, V. B. Shklovsky, V. Butusov, female diary of the XIX century, defamiliarization, insight, gender, psychosexuality

Поступила в редакцию 20.09.2018